

СПЕЦИФИКА «АРМЯНСКОГО КРИЗИСА» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РФ

Дунамальян Н. А.

Аннотация

Статья посвящена анализу «армянского кризиса» в контексте развития современных подходов российской внешней политики. Под «армянским кризисом» понимается процесс комплексного пересмотра российско-армянских отношений в их политическом, экономическом и мировоззренческом измерении. В работе также рассматриваются кардинальные изменения в восприятии российской геополитической мыслью места Южного Кавказа в рамках развития стратегии внешней политики РФ.

«ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՃԳՆԱԺԱՄԻ» ԱՌԱՆՁՆԱՀԱՏԿՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ

ՌԴ ԱՐՏԱՔԻՆ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՄՈՏԵՑՈՒՄՆԵՐԻ ՀԱՄԱՏԵՔՍՏՈՒՄ

Ն. Ա. Դունամալյան

Սեղմագիր

Հոդվածը նվիրված է «հայկական ճգնաժամի» վերլուծությանը՝ ՌԴ արտաքին քաղաքականության ժամանակակից մոտեցումների մշակման համատեքստում: «Հայկական ճգնաժամը» վերաբերում է ռուս-հայկական հարաբերությունների համապարփակ վերանայման գործընթացին՝ իր քաղաքական, տնտեսական և գաղափարական հարթություններում: Աշխարհայեցողությունը դիտարկում է նաև ռուսաստանյան աշխարհաքաղաքական մտքի կողմից Հարավային Կովկասի դերի ընկալման հիմնարար փոփոխությունները ՌԴ արտաքին քաղաքականության ռազմավարության զարգացման շրջանակներում:

SPECIFICS OF THE “ARMENIAN CRISIS” IN THE CONTEXT OF MODERN APPROACHES TO THE RUSSIAN FOREIGN POLICY

Dunamalyan N. A.

Summary

The article is devoted to the analysis of the “Armenian crisis” in the context of the development of modern approaches to the Russian foreign policy. The “Armenian crisis” refers to the process of a comprehensive review of the Russian-Armenian relations in their political, economic, and ideological dimensions. The study also examines fundamental changes in the perception of the place of the South Caucasus in the Russian geopolitical thought within the framework of the Russian foreign policy strategy development.

СПЕЦИФИКА «АРМЯНСКОГО КРИЗИСА» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РФ²

«Кризис - такая степень обострения противоречий между составом элементов системы и ее структурой, которая превышает меру относительной самостоятельности каждой из сторон противоречия, ввиду чего структура превращается в тормоз развития системы, и возникает возможность ее скачкообразного перехода в новое качество путем преобразования структуры»³

Введение

Политические кризисы сопутствуют разрушению любого мирового порядка, однако их специфика зависит от уровня взаимоотношений и глубины противоречий между элементами в рамках единой системы. Кроме того, распад прежних глобальных структур обычно ведет к вычленению нескольких проблемных геополитических зон, вокруг которых формируются будущие противоречия. Перед Первой мировой войной такой зоной стали Балканы, где противоречия между великими державами вылились в Болгарский, Сербский и Боснийский кризисы конца XIX – начала XX века. В ходе этих процессов престижу России (в т. ч. действиями самой императорской власти) был нанесен непоправимый ущерб, сохранив в орбите интересов России только Сербию и Черногорию. Разрушение Версальско-Вашингтонского миропорядка проявилось на территориях имперских осколков, ставших независимыми государствами, однако в ходе мировой войны так или иначе затронуло почти все регионы мира. Распад биполярной системы привел к перемещению противостояния в т. ч. и на постсоветское пространство. «Линиями разлома» в периоды распада международного порядка становились территории, важные с точки зрения как транспортных коммуникаций или торгово-экономических связей, так и создания буферных зон между крупными державами. Не зря З. Бжезинский обозначил регионы постсоветских Южного Кавказа и Центральной Азии «Евразийскими Балканами», намекая на важность происходящих здесь событий для всего будущего миропорядка⁴.

Если в 1990-х гг. межгосударственные кризисы на постсоветском пространстве имели «ограниченный» характер, то есть оставались

---

¹ Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Российско-Армянского (Славянского) университета. Автор более 15 научных работ и статей.

² Статья представлена в редакцию 19.05.2024 г.

³ Левинтов Н. Г. Социально-философское содержание категории кризиса / Н.Г. Левинтов // Философские науки. – 1980. – № 1. сс. 40 – 41.

⁴ Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Международ.отношения, 1999. 256 с.

контролируемыми в рамках сложившейся структуры международных отношений, то в нынешних условиях любой политический кризис может быть подвергнут интернационализации. Так, в сфере интересов РФ вовлечение нескольких акторов произошло в ходе Украинского кризиса и после 44-дневной войны в Нагорном Карабахе.

Многие аналитики предсказывали возможную интернационализацию Нагорно-Карабахского конфликта, однако, если вокруг Нагорного Карабаха в 2020-2023 гг. сложился консенсус крупных держав, то политический кризис вокруг РА уже становится узлом концентрации геополитических противоречий между несколькими полюсами. Мы называем этот кризис «Армянским», поскольку проблема выходит за рамки Нагорно-Карабахского или армяно-азербайджанского конфликта, армяно-российских отношений или внутривнутриполитического коллапса в Армении, демонстрируя системный кризис, прежде всего, армяно-российских отношений в их социокультурном, геополитическом и мировоззренческом измерении на фоне участия других акторов⁵.

«Армянский кризис» как мировоззренческая проблема

Кризис российско-армянских отношений представляется наиболее болезненным для армянской стороны, однако этот процесс является индикатором изменений, прежде всего, в российской внешней политике по отношению к региону Южного Кавказа. Обращаясь же к истории отношений, можно заметить совпадение между временными рамками становления российского имперского проекта и процесса национально-освободительного движения армян. Весь период российско-армянских отношений был полон событиями положительного и трагического характера, однако субъектность как России, так и армянского народа менялась со временем, оставляя свой отпечаток на текущих процессах. Несмотря на отсутствие государственности, армяне смогли сформировать уникальный механизм консолидации национального самосознания, основанного на этнокультурной модели идентичности, в то время как российская самобытность конструировалась вокруг специфического восприятия государственности, доходящем до признания сакральности или особой миссии этого политического института.

Образ России в восприятии армянского народа имел сильно мифологизированный характер, который происходил от популярной в средневековье «освободительной легенды», сформировавшей миф о

---

⁵ Дунамалян Н. А. Геополитическое позиционирование Южного Кавказа в контексте противостояния Запад–Россия: мотивы, субъекты и факторы (Часть 2) / АРВАК, https://arvak.am/wp-content/uploads/2023/12/Norayr-Dunamalyan_Geopolitical-positioning-in-the-South-Caucasus_Rus.pdf (дата обращения: 08.05.2024).

«государстве-спасителе»⁶. При этом образ «спасителя» в разные эпохи примерялся к разным крупным державам, пока в XVIII в. не закрепился за Россией и стал магистральным сюжетом отношений между армянами и русским царизмом. Несмотря на многочисленные кризисы и конфликты с армянским населением в имперский период, лояльность к России восстанавливалась в короткие сроки, что было связано как с положением армян в Османской империи⁷, так и с ограниченной субъектностью армянского населения в Российской империи (РИ), интересы которого пытались представлять различные институты в лице Армянской апостольской церкви, русского дворянства армянского происхождения, армянской интеллигенции или национальных партий. Специфика отношений между РИ и армянами выбивалась из ряда функционировавших тогда союзов между российскими и региональными элитами, поскольку российское и зарубежное армянство, не имея единого центра или конкретных представителей, формировали свою лояльность на основе более абстрактных идей «христианской солидарности», «исторической справедливости» и т. д., создавая сетевые отношения, не способствовавшие более иерархизированной коммуникации с верховной властью. Армяне, во многом, подчинялись давно сформировавшимся мифам и не воспринимали реального положения дел в империи, которое могло привести к смене политического курса в т. ч. по отношению к армянскому населению.

Россия, в свою очередь, использовала фактор армян как способ давления на Османскую империю, но в то же время покровительствовала армянским общинам как наиболее лояльной части закавказских народов. Вместе с тем имперские власти опасались роста националистических настроений внутри армянского населения, поэтому их права постепенно урезались. Вопреки этому армяне успешно интегрировались в рамках имперского пространства, представляя не столько свои собственные, сколько интересы имперского проекта. Во многом такая ситуация предreshала лояльное отношение армян к различного рода региональным проектам в начале XX в. (в рамках «закавказских конфедераций», взаимодействия с «деникинскими силами»⁸, а потом и с большевиками) и сформировала особый нарратив «пророссийскости» Армении, что распространилось как во внутренней, так и внешней политике.

---

⁶ Айвазян А. М. Воздействие средневековой армянской национально-освободительной эсхатологии на психологию масс и военно-политические проекты XVI – XVIII вв. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 3. сс. 735–748.

⁷ Лурье С. В. «Россия, я верю в твою силу...» Образ России и русских в современном массовом сознании армян, http://svlourie.ru/Russia-I-believe-in-your-power-image-of-Russia-Armenian#_ftnref1 (дата обращения: 08.05.2024)

⁸ Петросян Г. А. Отношения Республики Армения с Россией (1918 – 1920 гг.). ЕГУ; - Ер.: Изд-во ЕГУ, 2012. 424 с.

Видение российско-армянских отношений формировались не на прагматической основе, а на, прежде всего, мифологизированном фундаменте. К этому стоит добавить, что в ходе многих кризисов, возникавших между армянами и Империей (в т. ч. «советской»), армяне еще не обладали полноценной субъектностью. По прохождению тридцати лет независимости, при всех социальных, политических и экономических проблемах родилось новое поколение армян, которое не являлось носителем «имперских ценностей». **Такая ситуация возникла впервые за триста лет интенсивных российско-армянских взаимоотношений.**

В контексте политического измерения российско-армянских кризисов с некоторой цикличностью повторялся один и тот же сюжет, возникавший вследствие ухода России из региона Закавказья (в 1917 и 1991 гг.). И в рамках этого процесса субъектность Армении играла важную роль как ресурса сдерживания угроз для России, так и препятствия для восстановления полного контроля над Южным Кавказом. Так, Добровольческая армия А. Деникина использовала фактор Армении для сдерживания конфликта с Грузией и Азербайджаном, а в 1990-х гг. помощь РФ в нагорнокарабахском конфликте способствовала сохранению контроля над ситуацией на Северном Кавказе. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что во всех случаях население Армении оставалось лояльной России, что смягчало эффект событий, имевших трагические последствия для армянского населения (помощь К. Атаатюрку против дашнакской Армении, борьба Г. Нжде с большевиками, ввод советских войск в Ереван, операция «Кольцо» и т. д.).

Современные процессы, сложившиеся вокруг Армении, могут напоминать события XX в., однако мировоззрение как россиян, так и армян подверглось значимой трансформации. Отношения с Грузией и Азербайджаном российское руководство характеризует как «прагматические» и «взаимовыгодные», а распространение влияния РФ на Ближний Восток (посредством базы в Сирии) и в африканские страны снижает значимость Армении как стратегического партнера, поскольку поле влияния РФ в данный момент мыслится шире постсоветского пространства. К тому же более глобальный подход к выстраиванию новой системы международных отношений вытесняет на второй план региональную или страновую перспективу. В Армении также происходит тектонический сдвиг в рамках спровоцированного потерей Арцаха поиска новой политической идентичности, что, во-первых, приводит к переосмыслению мифа о вековой вражде с «турками» и, во-вторых, способствует формированию негативной «антиимперской» идентичности, несмотря на то, что «постколониальный синдром» в Армении на протяжении всего периода независимости не был востребован.

Влияние идентичности на внешнюю политику: «национализм» vs «империя»

Современная Россия при всей преемственности с Российской империей или Советским Союзом является новым государством с качественно новой институциональной системой в политике, экономике и социальной сфере. Сменилось также восприятие собственной внешней политики российским руководством. Важнейшую роль в становлении внешней политики России сыграл процесс трансформации восприятия собственной идентичности, сузившей понимание «имперского» до модели «национального». После распада СССР идеи русского национализма в его различных вариациях (от умеренно консервативных до крайне правых идей, которые зачастую могли представлять те же люди, но в различные периоды) стали более популярны на фоне отделения периферий и необходимости выстроить собственную национальную мифологию для русского большинства. В этом контексте не последнюю роль сыграло возрождение идей философов и мыслителей позднеимперского периода. Мысли известных славянофилов, черносотенцев, философов И. Ильина, Н. Бердяева, Н. Трубецкого, а позднее А. Солженицына, В. Цымбурского и А. Дугина, в современной России стали фундаментом для идей легитимизации власти, политической системы и внешней политики.

Примечательно, что некоторые эксперты воспринимали распад СССР как геополитический шанс консолидации российского (в широком смысле) пространства на национальной основе, поскольку при всех рисках «застревания» между имперской и национальной моделями для современной России возникала возможность сформировать более устойчивую позицию для макрополитической идентичности⁹. Такое восприятие стало некой «общей» идеологией, подстраивающей весь исторический опыт становления российского государства под единые – во многих случаях противоречивые – «национал-имперские» стандарты¹⁰, где идеи самодержавия могли сосуществовать с идеализацией сталинизма, а деятели белогвардейского движения быть в одном ряду с героями Красной армии.

Подобный сумбур не воспринимается как таковой по причине осознанного выбора сюжетов для выстраивания современной российской политической мифологии, формируемой вокруг «национального», но в его «имперском» исполнении. Интересной для нас, в этом контексте, является проблема первичности одного из этих двух начал, которые также проявлялись в

---

⁹ Ремизов М. Русский национализм и российская геополитика. Пойдет ли Россия путем Турции? // Россия в глобальной политике. №6 2019 Ноябрь/Декабрь, <https://globalaffairs.ru/articles/russkij-nacjonalizm-i-rossijskaya-geopolitika-2/> (дата обращения: 08.05.2024).

¹⁰ Колесников А. Истоки и смысл русского национал-империализма: исторические корни идеологии Путина // Берлинский центр Карнеги по изучению России и Евразии. Ноябрь, 2023, <https://carnegieendowment.org/2023/11/01/ru-pub-90833> (дата обращения: 08.05.2024).

армянской политической идентичности и привели, в конечном счете, к ее кризису после тридцати лет независимости.

В растиражированной цитате Гранта Матевосяна восприятие гражданина Армении в качестве «гражданина империи» в основном представлялось как доказательство неспособности армян выстроить собственный государственный проект, выпадающий из установок «имперского» прошлого¹¹. В то время как основная идея писателя относилась к проблеме «провинциализма» армянской (гео)политической мысли, ее неполноценности¹². Похожее содержание имела другая формула: «*восточные армяне в политическом смысле русские*», – что в значительной степени демонстрировало привязанность армянской политической идентичности к практикам «имперского» прошлого¹³. Однако в этом и заключалось главное противоречие армянской идентичности как пространства столкновения культурного-конфессионального и имперско-политического самовосприятия, где не находилось места становлению армянского национально-государственного самосознания¹⁴. В конце концов в современных реалиях РА приверженность «политическому» при отрицании «имперского» привела к выхолащиванию «культурно-конфессионального».

Параллельно с тридцатилетней трансформацией армянской политической идентичности такой же процесс происходил в Российской Федерации, где «украинский кризис» 2014 г. поставил черту между западнцентричным прошлым российской внешней политики и началом поиска себя в новых условиях. Некоторые новые идеи выделяли особый путь развития России как национально-цивилизационного сообщества, которое не может иметь союзников, потому как имеет особую сущность, несовместимую с чужими ценностями. Еще в эссе А. Солженицына будущее России воспринималось в границах *ирредентистской идеи «Русского мира», объединяющей территории современных РФ, Беларуси, Украины и Северного Казахстана*¹⁵, не включая другие республики СССР. В дальнейшем долгий поиск консолидирующей идеи на основе различных концепций «*суверенной*»

---

¹¹ Космачев М. В. Армения: нациостроительство, имперские практики и этнонационализм как способы выживания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. - 2015. - №3. - С. 86-97. doi: 10.22363/2313-1438-2015-3-86-97.

¹² Մաթևոսյան Զ. Աշխարհի վերջը չէ (գրողը փառապաշտում է խմբագրի հարցերին) / Գրական թերթ. 01.01.1991 թ., https://hrantmatevossian.org/m/up/ashxari_verjy%20che.pdf (дата обращения: 08.05.2024).

¹³ Восканян А. В. Идеологические основания армяно-российских отношений: история, реалии, перспективы // Вестник РАУ. - 2018. - 2 (29). сс. 18-23, <https://science.rau.am/uploads/documents/1624448211.pdf>

¹⁴ Minassian G. What Is the Armenian People's Relationship with "The Political"? / EVN report (April 6, 2022), <https://evnreport.com/opinion/what-is-the-armenian-peoples-relationship-with-the-political/> (дата обращения: 08.05.2024).

¹⁵ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? // Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхняя Волга, 1995–1997. Т. 1. сс. 538–598.

самобытности привел к оформлению представления о России как «государстве-цивилизации». При этом пропагандой схожих взглядов занимались различные деятели, начиная с эксцентричного философа-евразийца А. Дугина¹⁶, кончая политфункционалом-практиком В. Сурковым¹⁷, что демонстрировало общие настроения российских элит.

Таким образом, в представлениях российских элит произошел синтез «изоляционистских» и «имперских» концепций, что вылилось в конструирование новых ценностных ориентиров для внутренней аудитории¹⁸ и в ультрапрагматизм для остальных стран постсоветского пространства. Для Армении, прошедшей два этапа вторичной модернизации в составе Российской империи и СССР, Россия ассоциировалась, прежде всего, с европейской цивилизацией. Как отмечает философ А. Восканян: «...за всю многовековую историю армяно-российских отношений Россия для Армении никогда не была анти-Западом. Наоборот, в силу своего геополитического расположения и культурного своеобразия, Россия, в противоположность Ирану и Турции, воспринималась в качестве поставщика европейских идей. Россия и была Европой Армении. Именно в этом заключалась ее цивилизационная роль»¹⁹. Отказ России от такой роли вел к изменению ее образа для Армении и армянских элит.

Армянская идентичность, как и современная российская, с давних времен имела синтетический характер, объединяя глобальные и этнокультурные элементы. Однако если армянская модель такого синтеза означала попытку сохранить национальную идентичность в условиях безгосударственности, то современная российская парадигма стремиться отказаться от культурной связи с Западом, законсервировав текущие тенденции. В этом контексте показательны периоды истории, которые россияне и граждане Армении считают наиболее близкими к идеалу (**Таб. 1**).

Проблема стабильности для России стала наиболее важной в историческом плане, чему сопутствовала кристаллизация идей национальной консолидации, обращенных в сторону отождествления понятий «государственное», «политическое» и «гражданское». Неслучайно, что большой процент респондентов назвал наиболее близким к идеалу периодом истории России эпоху Хрущева и Брежнева, поскольку этапы «оттепели» и «застоя/стабильности»

---

¹⁶ «У нас больше союзников, чем кажется» Почему философ Александр Дугин отвергает либерализм и каким он видит будущее мира? //Lenta.ru. (13.11.2023), <https://lenta.ru/articles/2023/11/13/dugin/> (дата обращения: 08.05.2024).

¹⁷ Сурков Вл. Одиночество полукровки (14+) // Россия в глобальной политике. №2 2018, Март/Апрель, <https://globalaffairs.ru/articles/odinochestvo-polukrovki-14-2/> (дата обращения: 08.05.2024).

¹⁸ Здесь нужно понимать население РФ, Беларуси и Украины.

¹⁹ Восканян А. В. Идеологические основания армяно-российских отношений: история, реалии, перспективы //Вестник РАУ. - 2018. - 2 (29). сс. 18-23, <https://science.rau.am/uploads/documents/1624448211.pdf> (дата обращения: 08.05.2024).

Таблица 1.

Ответы респондентов из России и Армении на вопрос о наиболее близком к идеалу периоде отечественной истории

Российский исторический период	% от всех ответов	Армянский исторический период	% от всех ответов
50–80-е гг. XX в. (Хрущев, Брежнев и др.)	34	Правление Тиграна Великого (95–55 гг. до н. э.)	59,8
Ранний СССР (Ленин, Сталин)	19	Советский период (1920–1991)	22,5
XIX в. (Александр I)	13,1	Время Айка Наапета (легендарный период)	14,3
Другое	12,9	Период независимости Армении	12,1
XVIII в. (правление Петра, Екатерины)	11	Средневековье	9,9
«Нулевые» (2000–2008 гг.)	9,5	Другое	0,5
Современность (после 2008 г. по наст. время)	9,5		
Перестройка и 90-е гг.	5		
Древняя Русь, допетровская эпоха	3,8		

Источник: Шестопа́л Е. Б. Образ идеального будущего: нормативные представления российских граждан о власти /Е. Б. Шестопа́л // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464, сс. 99–112, <http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/koha:000708059>; Погосян Г.А. Историческая память и национальная идентичность. Ер., Изд-во РАУ, 2023. 134с., <https://shorturl.at/bhnFY>

позитивно рифмуются с фазами развития современной российской политики. К тому же именно в период Брежнева борьба с «космополитизмом» и романтизация эпохи «национал-коммунизма» подготовили почву для развития националистических идей, возрожденных, в том числе, усилиями русского диссидентского движения²⁰. В случае с Арменией восприятие далекого прошлого и советского периода как «лучшего из времен» является показателем отсутствия у населения современной Республики Армения «национального» образа исторической эпохи, пригодной для подражания.

Проблемой армянского общества и его элит за тридцать лет независимости стало отсутствие какого-либо анализа трансформации глубинных основ

²⁰ Иванов А. А., Казин А. Л., Светлов Р. В. Русский национализм: основные вехи исторического осмысления // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2015. № 4. сс. 143–157.

российской политики, что в конце концов привело к кризису уже армянской национальной мифологии, частью которой было восприятие России как «покровителя по умолчанию», в то время как реальная политика развивалась по другому сценарию. Этим можно объяснить постоянное «запаздывание» внешней политики РА в вопросе выбора неактуальных уже на тот момент мировых повесток, поскольку шаги российских политических элит не просчитывались армянским руководством, а российско-армянские отношения воспринимались как нечто застывшее и неизменное. Именно поэтому на определенном этапе армянская комплементарная политика зашла в тупик, что в дальнейшем способствовало региональному кризису.

Причины изменения внешнеполитических подходов России после 2015 г.: «национализация империи»

Кризис в Украине привел к пересмотру многих ключевых принципов внешней политики России, которые до этого рассматривали пространством российского доминирования преимущественно постсоветское пространство. В этой парадигме роль Армении не являлась приоритетной, но рассматривалась как важный аспект в обеспечении региональной безопасности и стабильности Северного и Южного Кавказа. Геополитическая ситуация, предоставившая возможность для России расширить свое присутствие за рамками бывшего СССР, привела к смене акцентов в «шахматной» геостратегии РФ, согласно которой необходимо отдалить от «ядра» зону конфликтов за счет закрепления в различных точках мира (Венесуэла, Сирия, Ливия, ЦАР и т. д.). Подобная тактика использовалась и в начале девяностых, но она была вписана в программу углубления отношений с Западом, что уже к концу 1990-х привело к кризису. Армения также на фоне чеченского конфликта воспринималась как важный форпост для сдерживания «растекания» исламистской угрозы по всему Большому Кавказу.

Победа во Второй чеченской войне сменила многие акценты. Россия начала проводить более прагматическую политику в отношении «ближнего зарубежья», претендуя на роль глобального игрока. В этот период изменились также основные подходы к понятию сотрудничества, партнерства и, что самое главное, союзничества. В программной статье дискуссионного клуба «Валдай» под названием «Союзники России и геополитический фронт в Евразии»²¹ авторы отмечали трансформацию категории «союзничества» по причине желания крупных держав вести менее обремененную обязательствами внешнюю политику и создания более сложной системы международных

---

²¹ Статья была написана в 2017 г. и включала в себя несколько фактологических ошибок (например, сопоставлялась статья 5 Устава НАТО и статья 2 Договора о коллективной безопасности, в то время как корректнее было сравнить с положениями статьи 4 ДКБ), однако эта публикация широко обсуждалась в экспертном сообществе.

отношений. В заключении отмечалось, что «России нужно стабилизировать лимитрофные территории лишь в той мере, в которой это необходимо для обеспечения безопасности ее территории, и не допускать, чтобы союзники вовлекали ее в ненужные для нее конфликты»²². Подобная мысль объясняется тем, что РФ, в отличие от Российской империи или Советского Союза, больше не ограничивает свою внешнюю политику какой-либо идеологической нагрузкой, выдвигая примат экономических связей.

Южный Кавказ в этом контексте воспринимается как единый комплекс, где важно сохранение влияния России на баланс сил в регионе. Из этого следует попытка содействия побеждающей стороне конфликта с целью контроля над ситуацией, что не мешает осуществлять роли посредника. Роль «победителя» могут играть различные государства, однако заинтересованный арбитр может конвертировать свое влияние в функцию посредничества. В этом смысле индивидуальный подход к каждой из стран Южного Кавказа не так важен, так как нынешнее российское руководство интересуется, прежде всего, выполняемая этими государствами функция в рамках общего геополитического замысла.

Общества и элиты: проблема восприятия «армянского кризиса»

Текущие процессы в российско-армянских отношениях не воспринимаются элитами и обществом России как комплексный кризис. Для многих обывателей Армения вообще является экзотическим государством, чье историческое родство с Россией поддается сомнению. Современные российско-армянские отношения продолжают развиваться по инерции, параллельно лишаясь содержания. Распад общего гуманитарного пространства, изменения в экономике двух стран (все меньше армян едут на заработки в Россию), отсутствие гарантий безопасности для Армении, неэффективность российской «мягкой силы», переориентация российской и армянской внешней политики – все эти факторы не способствовали углублению отношений. С точки зрения российских элит Армения сегодня интересна только в аспекте наличия военной базы и торгово-экономического потенциала отношений. Кроме того, долгое время российское экспертное сообщество формировало мнение о явно преувеличенной роли Южного Кавказа в глобальном контексте²³. В остальном – присутствует отягощение России армянским вопросом, который (в оптике

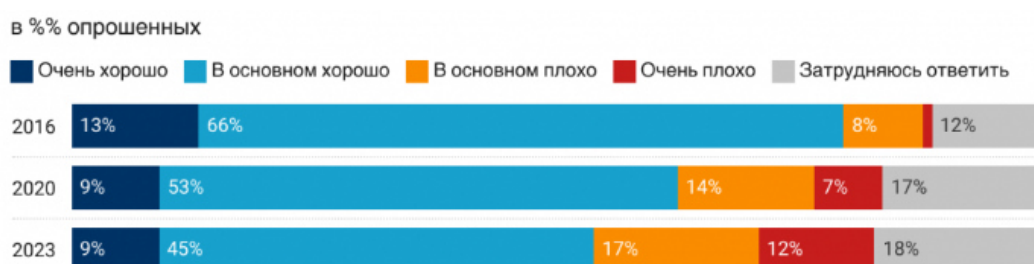
---

²² Силаев Н. Ю., Сушенцов А. А. Союзники России и геополитический фронт в Евразии [Электронный ресурс] // Международный дискуссионный клуб Валдай. Валдайские записки. – №66. – 2017. – 21 апреля, http://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-66/?sphrase_id=17471. (дата обращения: 08.05.2024).

²³ Лунев С. Центральная Азия и Южный Кавказ как геополитические регионы и их значение для России // Центральная Азия и Кавказ, 2006, № 3 (45). сс. 14–27.

современных внутрироссийских идеологических установок) кажется очень далеким для простых граждан РФ, а также большей части элит.

С другой стороны, вопреки ожиданиям армянского населения вокруг российско-армянских отношений не сложилось какого-либо особого имиджа, выраженного в приоритетности Армении по сравнению с другими постсоветскими государствами. Это обстоятельство объяснялось и особенностью изолированности национальной культуры армян, и российским интересом выстраивать отношения со всеми странами Южного Кавказа в равной степени. Армянские элиты и общество во многом игнорировали эти реалии, придерживаясь прежних мифологем и не проводя какой-либо информационной политики по улучшению имиджа Армении в России²⁴. Отношение к Армении также ухудшалось на фоне несовпадения «стилей» политики двух стран и демонстрации «враждебного» нарратива по разным причинам. Примечательно, что негативное отношение со временем начало выражаться не только в адрес армянских властей, но и Армении в целом (**Рис. 1**).

Рисунок 1. Отношение россиян к Армении. **Источник:** Левада-центр

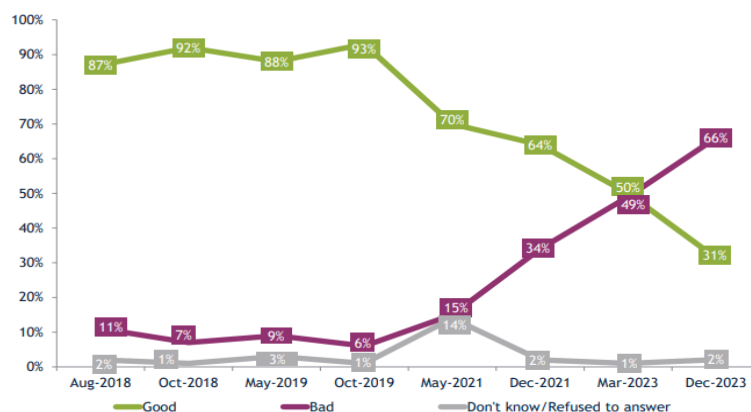
В Армении антироссийские настроения начали расти в обратном пропорциональном отношении к уровню безопасности РА (**Рис. 2**). Основная девальвация отношений произошла в 2020–2023 гг. на фоне продолжающейся агрессии АЗР и смены риторики российских должностных лиц²⁵. Этому способствовала и недальновидная политика РФ, и стремление премьер-министра Армении удержать власть. На определенном этапе ухудшение отношений стало выгодно как для российского руководства, которое могло оправдать свое бездействие в Арцахе «недружественными» действиями Еревана, так и для армянских властей, представляющих в качестве основы внутри- и внешнеполитического кризисов отказ РФ от своих союзнических обязательств.

Фактически, российские и армянские элиты отказались от общей ответственности за сохранение баланса сил в регионе Южного Кавказа, что

²⁴ Согласно опросам, отношение россиян к Армении в последние несколько лет постепенно ухудшалось. Почему? //Civilnet. (19.10.2023), <https://shorturl.at/cHSY3> (дата обращения: 08.05.2024).

²⁵ Российская дипломатия генерирует русофобию в Армении // Комментарий Центра АРВАК, (12.02.2024), <https://arvak.am/ru/comments/дипломатия-рф-генерирует-русофобию-в/> (дата обращения: 08.05.2024).

► How would you evaluate the current state of the relationship between Armenia and Russia?

* Interviews for May 2021, December 2021 and December 2023 were conducted via computer-assisted phone interviews (CATI) method. Other previous polls were conducted through face-to-face interviews method.

49

Рисунок 2. Оценка российско-армянских отношений в современных условиях.

Источник: <https://www.iri.org/resources/public-opinion-survey-residents-of-armenia-december-2023/>

привело к проникновению внешних сил в регион. Как следствие, риск возобновления военных действий против Армении не снизился, а Россия встала перед угрозой постепенного вытеснения из региона.

Отдельно стоит упомянуть население Нагорного Карабаха, которое было наиболее лояльным пророссийским сообществом в регионе Южного Кавказа на протяжении двух столетий²⁶. Потеря Арцаха стала болезненным явлением как для Армении (точнее политической идентичности современного армянского общества), так и для геополитических интересов России, поскольку был уничтожен не только один из инструментов влияния на Ереван и Баку, но и последний реликт «имперской» политики России на Кавказе. Постоянные ссылки политических деятелей РФ и экспертов на слова Н. Пашиняна о признании «*Нагорного Карабаха в рамках территориальной целостности Азербайджана*» также отдают лукавством, поскольку с начала активной фазы посредничества России в рамках Минской группы ОБСЕ российские дипломаты отдельно подчеркивали важность учета интересов армян Карабаха. Однако в текущих условиях этот фактор был забыт как российскими²⁷, так и армянскими²⁸ политиками в угоду удовлетворения азербайджанских требований.

²⁶ Потто В. А. Первые добровольцы Карабаха в эпоху водворения русского владычества. Тифлис, 1902 г. (переиздано: Москва, «Интер-Весы», 1993 г.), <https://shorturl.at/gntyB> (дата обращения: 08.05.2024).

²⁷ «Лавров сообщил о планах провести саммит РФ-Азербайджан-Армения в этом году» / Интерфакс (25.07.2023), <https://www.interfax.ru/russia/913279> (дата обращения: 08.05.2024).

²⁸ «Премьер Армении: «Мы поощряем наших партнеров в Степанакерте вовлечься в диалог с международным механизмом»» / Azatutyun.am (14.09.2023), <https://rus.azatutyun.am/a/32592554.html> (дата обращения: 08.05.2024).

Интернационализация «армянского кризиса»: взгляд в будущее

Неоформленность «армянского кризиса» заставляет говорить больше о будущем, чем настоящим, так как разрушение прежних структур баланса сил (в т. ч. при участии РФ) ведет к открытию окна возможностей, которые будут пытаться использовать внерегиональные державы. Мы уже писали о возможном геополитическом позиционировании различных стран на Южном Кавказе на фоне войны в Украине²⁹, однако стоит обратить внимание на сценарии влияния армянского фактора в регионе.

Нарушение баланса сил на Южном Кавказе, спровоцированное поражением армянской стороны в 2020 г., было усугублено войной на Украине, поскольку отвлечение главного арбитра в регионе привело к хаотической смене повесток урегулирования армяно-азербайджанского конфликта. Будучи главной площадкой переговоров, РФ после начала военных действий на время утратила контроль над многими процессами по причине распада прежних отношений на постсоветском пространстве. В качестве посредников и «тактических союзников» на Южном Кавказе начали активно действовать Турция, Иран, Индия, США, ЕС, Франция и другие акторы. При этом важно отметить, что процессы на Южном Кавказе были вписаны в общую логику становления нового миропорядка.

Очевидно, что российское руководство просчиталось в вопросе длительности и характера военных действий на Украине³⁰, что отчасти стало объективной почвой для углубления кризиса российско-армянских отношений. Субъективная основа уже касалась желания политического руководства Армении пересмотреть прежний формат взаимоотношений, отказавшись от односторонней зависимости. Такой подход был выражен в новой политике «диверсификации», направленной на поиск новых партнеров в военно-технической и оборонной сфере. Если установление тесных военно-политических контактов с Индией и Францией изначально не имело антироссийского характера, то заключение 5 апреля 2024 г. договоров с ЕС и США продемонстрировало желание держав использовать ситуацию кризиса для вытеснения России из региона. США продолжили вести на Южном Кавказе классическую политику по поддержке независимых государств с целью противодействия возникновению регионального гегемона. Этим объясняется сбалансированный подход в отношениях как с РА, так и с АзР при кооперации с другими союзниками (Франция, отчасти Турция, Великобритания и др.).

---

²⁹ Дунамаян Н. А. Геополитическое позиционирование Южного Кавказа в контексте противостояния Запад–Россия: мотивы, субъекты и факторы. //АРВАК, <https://arvak.am/ru/геополитическо-позиционирование-юж/> (дата обращения: 08.05.2024).

³⁰ Пухов Р. Н. От «специальной» к «военной»: уроки двух лет операции на Украине // Россия в глобальной политике. Т. 22. № 2(126). 2024. сс. 21–36, <https://globalaffairs.ru/articles/ot-speczialnoj-k-voennoj/> (дата обращения: 08.05.2024).

Феномен интернационализации «армянского кризиса» связан с разрушением старого миропорядка и формированием «линий разлома» между различными геополитическими полюсами. Армения, в этом контексте, может стать объектом проецирования нескольких конфликтных сюжетов. В частности, можно выделить конфликт России и Запада, ирано-израильское противостояние, российско-французский конфликт в Нигере, ЦАР и Мали, а также вероятное возобновление военных действий с Азербайджаном. Во всех этих конфликтах Россия играет прямую или косвенную роль, что не снимает угрозы перерастания кризиса российско-армянских отношениях в нечто более масштабное.

**«Армения – не Болгария»: проблема преодоления
российско-армянских противоречий
(вместо заключения)**

В свое время Армения воспринималась как политико-географическое пространство, разделенное на турецкую и русскую части, где компактно проживающее армянское население нуждалось в восстановлении своих прав, а некоторые даже мечтали о независимости. В XIX в. возникла формула «Армения – не Болгария», которая выражала отказ от предоставления Армении статуса автономной территории, схожей с освобожденной Болгарией³¹. Примечательно, что для российской истории «болгарский» кейс стал довольно болезненным в дальнейшем, так как с точки зрения российских элит болгарская сторона ответила на освобождение «предательством». В случае Армении полноценная независимость была обретена только в 1991 г. и сегодня армянское государство продолжает развиваться, хотя и с большими трудностями.

Российским и армянским элитам (не только политическим) стоит понять, что отношения «подданства» или «покровительства» в случае суверенного развития отдельных государств предполагает использование иного набора инструментов в построении двухсторонних отношений. Для армянской стороны, прошедшей за последние годы несколько этапов национальных трагедий, важность такого понимания является экзистенциальной, поскольку «армянский кризис» происходит, прежде всего, внутри процесса развития армянской государственности. Проблема России в этом контексте лежит уже в другой плоскости, связанной с желанием российских элит сохранить не «изолированную» идею преемственности своей стратегической культуры, выбрав модель негативной «антизападной» идентичности, а потенциал распространения российского влияния посредством выстраивания доверия и устойчивых связей с другими государствами. Однако для этого как в российской, так и армянской политике должен возобладать стратегический подход.

---

³¹ Тунян В. Г. Армянский вопрос: мифотворческий аспект/ В. Г. Тунян.- Ер.: ЕГУ, 2015. – 402 с.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Айвазян А. М. Воздействие средневековой армянской национально-освободительной эсхатологии на психологию масс и военно-политические проекты XVI – XVIII вв. //Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 3. сс. 735–748.
2. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Международ. отношения, 1999. - 256 с.
3. Восканян А. В. Идеологические основания армяно-российских отношений: история, реалии, перспективы //Вестник РАУ. - 2018. - 2 (29). сс. 18-23, <https://science.rau.am/uploads/documents/1624448211.pdf>
4. Дунамалян Н. А. Геополитическое позиционирование Южного Кавказа в контексте противостояния Запад–Россия: мотивы, субъекты и факторы. //АРВАК, <https://arvak.am/ru/геополитическо-позиционирование-юж/>
5. Дунамалян Н. А. Геополитическое позиционирование Южного Кавказа в контексте противостояния Запад–Россия: мотивы, субъекты и факторы (Часть 2) / АРВАК, https://arvak.am/wp-content/uploads/2023/12/Norayr-Dunamalyan_Geopolitical-positioning-in-the-South-Caucasus_Rus.pdf
6. Иванов А. А., Казин А. Л., Светлов Р. В. Русский национализм: основные вехи исторического осмысления //Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – № 4. сс. 143–157.
7. Колесников А. Истоки и смысл русского национал-империализма: исторические корни идеологии Путина //Берлинский центр Карнеги по изучению России и Евразии. Ноябрь 2023, <https://carnegieendowment.org/2023/11/01/ru-pub-90833>
8. Космачев М.В. Армения: нациостроительство, имперские практики и этнонационализм как способы выживания //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. - 2015. - №3. сс. 86-97. doi: 10.22363/2313-1438-2015-3-86-97.
9. Левинтов Н.Г. Социально-философское содержание категории кризиса / Н.Г. Левинтов // Философские науки. – 1980. – № 1. сс. 40 – 41.
10. Лунев С. Центральная Азия и Южный Кавказ как геополитические регионы и их значение для России //Центральная Азия и Кавказ, 2006, № 3 (45). С. 14-27.
11. Лурье С. В. «Россия, я верю в твою силу...» Образ России и русских в современном массовом сознании армян, http://svlourie.ru/Russia-I-believe-in-your-power-image-of-Russia-Armenian#_ftnref1
12. Петросян Г.А. Отношения Республики Армения с Россией (1918 – 1920 гг.). ЕГУ; - Ер.: Изд-во ЕГУ, 2012. 424 с.
13. Потто В.А. Первые добровольцы Карабаха в эпоху водворения русского владычества. Тифлис, 1902 г. (переиздано: Москва, «Интер-Весы», 1993 г.), <https://shorturl.at/gntyB>
14. Пухов Р. Н. От «специальной» к «военной»: уроки двух лет операции на Украине // Россия в глобальной политике. Т. 22. № 2(126). 2024, сс. 21-36, <https://globalaffairs.ru/articles/ot-speczialnoj-k-voennoj/>
15. Ремизов М. Русский национализм и российская геополитика. Пойдет ли Россия путем Турции? //Россия в глобальной политике. №6 2019 Ноябрь/Декабрь, <https://globalaffairs.ru/articles/russkij-naczionalizm-i-rossijskaya-geopolitika-2/>
16. Силаев Н.Ю. Сушенцов А. А. Союзники России и геополитический фронт в Евразии [Электронный ресурс] //Международный дискуссионный клуб Валдай.

Валдайские записки. — №66. — 2017. — 21 апреля, http://ru.valdai.club.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-66/?sphrase_id=17471

17. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? //Публицистика: в 3 т. Ярославль: Верхняя Волга, 1995–1997. Т. 1. С. 538-598.

18. Сурков Вл. Одиночество полукроваки (14+) / Россия в глобальной политике. №2 2018 Март/Апрель, <https://globalaffairs.ru/articles/odinochestvo-polukrovki-14-2/>

19. Тунян В. Г. Армянский вопрос: мифотворческий аспект/ В. Г. Тунян.- Ер.: ЕГУ, 2015. – 402 с.

20. Մաթևոսյան Հ. Աշխարհի վերջը չէ (գրողը պատասխանում է խմբագրի հարցերին) /Գրական թերթ, 01.01.1991 թ., https://hrantmatevossian.org/m/up/ashxari_verjy%20che.pdf

21. Minassian G. What Is the Armenian People’s Relationship with “The Political”? / EVN report (April 6, 2022), <https://evnreport.com/opinion/what-is-the-armenian-peoples-relationship-with-the-political/>

22. «Лавров сообщил о планах провести саммит РФ-Азербайджан-Армения в этом году» //Интерфакс (25.07.2023), <https://www.interfax.ru/russia/913279>

23. «Мы поощряем наших партнеров в Степанакерте вовлечься в диалог с международным механизмом»/ Azatutyun.am (14.09.2023), <https://rus.azatutyun.am/a/32592554.html>

24. «Российская дипломатия генерирует русофобию в Армении» //Комментарий Центра АРВАК, (12.02.2024), <https://arvak.am/ru/comments/дипломатия-рф-генерирует-русофобию-в/>

25. «Согласно опросам, отношение россиян к Армении в последние несколько лет постепенно ухудшалось. Почему?» //Civilnet. (19.10.2023), <https://shorturl.at/cHSY3>

26. «У нас больше союзников, чем кажется» Почему философ Александр Дугин отвергает либерализм и каким он видит будущее мира?» //Lenta.ru. (13.11.2023), <https://lenta.ru/articles/2023/11/13/dugin/>